

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ

**Алиса Максимова, Екатерина Павленко,
Иван Павлюткин, Григорий Юдин**

Алиса Максимова – лаборант Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Поletaева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 9–11, комн. 530, Москва, 101000, Россия. alice.mcximove@gmail.com.

Екатерина Павленко – младший научный сотрудник Центра культурсоциологии и антропологии образования НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. epavlenko@hse.ru.

Иван Павлюткин – старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 9–11, комн. 530, Москва, 101000, Россия. ipavlutkin@hse.ru.

Григорий Юдин – старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 9–11, комн. 530, Москва, 101000, Россия. greg.yudin@hse.ru.

1. Расскажите, как и когда возникла идея проведения выездных полевых исследований? В какие места и как надолго Вы выезжали? В каких условиях приходилось жить? С какими практическими сложностями сталкиваться (на этапе подготовки/реализации проекта)?

Летняя социологическая практика (далее – ЛСП) – исследовательский и образовательный проект, инициированный социологическим клубом «Город» совместно с Лабораторией экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Практика существует с 2010 года и каждый год выстраивается вокруг двухнедельного выезда в поле для сбора эмпирического материала. Ежегодно проект объединяет около двадцати участников – студентов бакалавриата и магистратуры разных факультетов ВШЭ, аспирантов и преподавателей ВШЭ и других институций.

ЛСП – ответ на ситуацию, которая возникла в социологическом образовании в России за 20 лет его существования. В Москве факультеты социологии есть во множестве вузов, и за редким исключением они реализуют довольно специфическую модель профессионального образования – транслируют знания, передают

технологии и тренируют навыки, которые должны обеспечить ощущение компетентности у будущего работодателя от будущего профессионала. Такая модель выдается за образование через научное познание и исследование. Тем не менее, это далеко не так. Во-первых, она сводит исследовательский процесс к набору процедур, которые нужно корректно пройти, чтобы получить «правильный» ответ. Она элиминирует ошибки, учит игнорировать непредвиденные результаты и сложности и делает невидимым живое измерение исследования с опытом проб и неудач. Во-вторых, она навязывает социологическую методологию с помощью авторитета экспертов-профессионалов и исключает любые сомнения в эффективности этой методологии. В-третьих, результатом действия такой профессиональной модели становится производство социологов-технологов, которым нечего сказать о российской жизни, потому что их об этом «не спросили». Эта модель входит в противоречие с живым социально-научным исследованием – коллективным творческим процессом, обладающим потенциалом сознательного и разумного преобразования действительности.

ЛСП строится на убеждении в самостоятельной ценности «поля» – полевой ситуации как особого опыта, который способна дать человеку социальная наука. Профессиональная модель рассматривает полевое исследование только как средство сбора данных, и, опираясь на экономические и технологические аргументы, подталкивает к минимизации этого этапа. На факультетах социологии студенты, как правило, обязаны выполнить в ходе обучения самостоятельное исследование – однако часто они выбирают как можно более удобный объект (а то и вовсе генерируют и/или фальсифицируют данные). Студенты изучают то (и тех), что (и кто) им доступно и понятно (например, студентов), не замечая при этом, что эта «понятность» – иллюзорна, и в конечном счете вредна для исследователя. Считается, что профессиональному социологу во «взрослой жизни» редко приходится собирать данные самому (за него это делают интервьюеры), что это «черная техническая работа», в тонкости которой исследователю нет необходимости погружаться. В результате типичный выпускник социологического факультета не имеет опыта получения информации у людей, если не считать приходящих к нему в результате «самоотбора» и заранее готовых к коммуникации с ним. Он не привык взаимодействовать с представителями других социальных слоев, говорящими на «другом» русском языке, а поэтому, работая в профессии, склонен заставлять информантов подстраиваться под удобные для него коммуникативные условия.

Задача ЛСП состоит в том, чтобы вытолкнуть участников из этого удобного кокона, поместить их в некомфортную ситуацию, которая вынудит поставить привычные представления о мире под сомнение. Именно такой опыт способно дать поле, если оно проводится не в лабораторных условиях, а *in vivo*. В таком «живом» поле обнаруживается, что наблюдаемая реальность сопротивляется исследовательскому вопросу, исследовательской рамке, самому исследователю. Если исследователь не умеет чувствовать сопротивление эмпирической реальности попыткам описать и объяснить ее, то, скорее всего, это означает, что он описывает и объясняет не эту реальность, а самого себя и свой исследовательский аппарат.

В ситуации ЛСП уже для того, чтобы просто собрать информацию, необходимо понять, чем люди живут, как устроена их жизнь, в чем могут состоять причины их трудностей. Для этого необходимо «выключить» как режим процедурной диагностики, так и режим туристической экскурсии. В некотором смысле ЛСП – это попытка броситься в воду, чтобы научиться плавать, притом, что правил плавания никто не знает и, скорее всего, их попросту не существует.

Все время существования проекта мы проводили поле в небольших городах, и у этого выбора есть две причины. Во-первых, в малых городах легче увидеть социальность, близкую к той, о которой писали социологи-классики – социальность сообществ с их нормативным принуждением и личным характером любого взаимодействия. Здесь же можно наблюдать и границы этой социальности – формы распада сообществ и экспансию образа жизни больших городов. Во-вторых, малый город – это объект, который группа из двадцати человек способна охватить за две недели, зафиксировать все основные элементы, понаблюдать за основными точками коллективной жизни, пообщаться с представителями всех значимых групп. Кологрив, Гороховец, Старая Русса, Мышкин, Каргополь – все это города европейской части России, в каждом из них социальная жизнь держится на своих основаниях, но между ними есть и очевидные формальные сходства. Опыт наших поездок постепенно позволил выработать общую тактику, с помощью которой мы организуем полевую работу и можем делать выводы о плотности местного сообщества, описывать его с точки зрения определенных характеристик и фиксировать основные «точки сборки» сообщества.

Условия работы – это всегда компромисс между требованиями логики включенного наблюдения, хотя бы частичного приобщения к жизни горожан, и задачей эффективного сбора большого объема материала в короткие сроки. Мы начинали в Кологриве с условий, которые давали нам минимум послаблений, – жили в двух съемных домах в деревне в часе ходьбы от города, чтобы по возможности сократить и без того пристальное внимание горожан. Один дом хорошо обставлен, к нему было проведено электричество, но не было водопровода и канализации – это был дом «для девочек». Дом «для мальчиков» представлял собой противоположность первому: там не было мебели и электричества, зато была проведена холодная вода. Мы сами сколотили во дворе душ и туалет; завтраки, ужины и собрания проводили за столом на улице, и в сумерках вокруг стола нас поджидали беспощадные местные жители – комары. Все это – довольно стандартные условия для города, который находится в полутора часах езды по плохой дороге от ближайшей железнодорожной станции.

Романтико-приключенческая атмосфера кологривского поля (мытьё посуды поутру на колонке, занятый дарообмен с соседями и пьяные маргиналы, бредущие прямо через примыкающий к нашему дому участок) помогла почувствовать жесткость местной жизни и найти институты, позволяющие с ней справиться. Однако устройство такого быта требовало значительных усилий, и в дальнейшем мы выбрали компромиссный вариант – останавливаемся в гостевых домах, по возможности на отдалении от центра города. Вдобавок изменились формальные правила организации такого рода мероприятий в Высшей школе экономики.

Необходимо отметить, что формат полевой экспедиции оказался поначалу несколько неожиданным для университета, несмотря на то, что наша инициатива была не первой. На начальном этапе нам сильно помогли коллеги, у которых уже был аналогичный опыт – прежде всего Юрий Михайлович Плюснин, с чьей помощью мы запустили самое первое поле в Кологриве. Всегда полезным было общение с Даниилом Александровичем Александровым.

2. Как формировалась и эволюционировала тематика Ваших полевых исследований? Связана ли она в большей степени со спецификой изучаемого региона, с интересами и теоретическими предпочтениями участников или с другими обстоятельствами?

Проблема удержания связи между людьми в местном сообществе в условиях всеобщей атомизации с самого начала была для нас ключевой. Но на самом деле эта магистральная тема не особенно ограничивает в выборе конкретных сюжетов – у всех нас довольно разные интересы, и в проект каждый год приходят люди, предлагающие собственные темы. Мы ищем точки, на которых в малых городах крепится коллективная жизнь, и в зависимости от специфики города эти точки могут выглядеть по-разному. Скажем, в некоторых случаях более или менее успешно реализуется стратегия построения туристической индустрии – это требует перестройки жизни всего города, и нам интересно, в какой степени такие реформы опираются на местное сообщество. Есть и несколько сквозных тем, связанных с местами, вокруг которых организуется социальная жизнь в любом небольшом русском городе – базары и магазины, школы, церковные приходы, публичные пространства (и разметка пространства в целом).

3. Какие задачи в первую очередь решает экспедиция? Как в ней соотносятся исследовательские и образовательные цели? Какую роль экспедиции должны играть в образовательном процессе в целом?

Поскольку в фокусе всегда находится полевая работа, у ЛСП две основные задачи. Первая заключается в том, чтобы дать участникам возможность увидеть и почувствовать что-то другое, непривычное, чтобы запустить рефлексивный процесс, заставить задуматься о различиях между собой и Другим – ключевая задача для понимания социальной жизни. Эта задача реализуется постоянно и в разных формах. Можно отлично «знать» некоторую социальную теорию, блестяще сдать экзамен и объяснить ее смысл товарищу, но в поле теоретические конструкции немедленно словно бы сносятся набегавшей волной, и ты отчетливо чувствуешь, как недостает известных категорий для того, чтобы говорить о том, что ты видишь. Часто выясняется, что ты никогда не думал о том, какая проблема породила твою любимую теорию – ты просто носил ее с собой в рюкзаке, давно забыв, как она туда попала. Поле дает возможность «зацепить» теорию за реальную проблему после столкновения с этой проблемой – непосредственного или через взаимодействие с информантами, после того, как ты эту проблему почувствуешь на себе.

Наверное, очевиднее всего наша замкнутость на собственном социальном окружении проявляется, когда возникает необходимость взять интервью. Ситуация, когда нужно подойти к незнакомому человеку и спровоцировать его на разговор «под диктофон» на интересующую исследователя тему, ясно показывает, что социологу сопротивляется обычный человек внутри нас. За прошедшие годы мы разработали ряд техник преодоления таких барьеров. Это никогда не бывает легко – зато тот, кто справляется, не только совершенствуется как исследователь, но и научается критически относиться к социологическим данным (опросам, статистике) и вообще к позиции социолога в обществе.

Другая важная задача практики – создать коллективную исследовательскую среду, где каждый получает опыт совместной работы. На практике каждый делает свое собственное исследование, но при этом находится не в изоляции, а, наоборот, в постоянной коммуникации с другими исследователями. Кроме того, в ходе выезда в поле все внешние связи и дела отходят на задний план и позволяют сосредоточиться на исследовании. Так создается общее пространство коммуникации по поводу чего-то, к чему в той или иной степени имеют доступ все участники (то есть в данном случае – конкретный город, с которым мы сталкиваемся при сборе данных). Вообще, в социологии коллективное обсуждение промежуточных результатов часто недооценивается – возможно, из-за недостатка времени и сил, конкуренции, недоверия или пренебрежения к позиции других. Сегодня вся научная инфраструктура подталкивает к тому, чтобы работать в одиночку или с парой соавторов. В результате многие предпочитают публиковать тексты, которые видели в лучшем случае несколько рецензентов, или выходить на публику с презентацией только по завершении исследования. Проекты, подобные ЛСП, где обсуждение – это не формальное требование, а естественный элемент работы, помогают вернуть социологическому исследованию статус по-настоящему коллективного предприятия.

Поскольку основная идея состоит в том, чтобы обучаться через реальный исследовательский опыт, организация ЛСП основана на ряде форм, учитывающих оба направления одновременно. Несмотря на то, что собственно поле занимает лишь две недели во второй половине лета, работа продолжается практически весь год. Сначала происходит подготовка: разрабатываются и обсуждаются на проектных семинарах программы будущих исследований, проводятся встречи для обсуждения важных текстов и мастер-классы, на которых люди с собственным большим опытом полевой работы рассказывают о технике интервью и наблюдения, ведении дневников и представлении себя в поле.

Во время выезда мы каждый вечер устраиваем собственную «сборку» – собрание, где каждый рассказывает о том, что получилось и не получилось за день, что он наметил на завтра. Здесь же обсуждается *work in progress* – текущее состояние проектов, проводится разбор интервью и текстов, значимых для всех участников. Наконец, здесь вырабатывается общая стратегия работы: как получить недостающую информацию, где нужно добрать данных, как решать возникшие проблемы. После возвращения из поля мы продолжаем встречаться в еженедельном формате, чтобы коллективно обсуждать результаты и тексты участников.

Конечно, каждый участник всегда может обратиться к коллеге за советом. Но вообще в ЛСП слабо разделены роли учащихся и учащихся. В команде нет и чисто административных должностей – все включены в содержательную работу, так что организационная и образовательная деятельность всегда совмещается с исследовательской. Для самих организаторов поле – это вызов, испытание и нерешенные вопросы, с которыми они обращаются к коллективу. Функции могут меняться – те, кто приезжал на первую ЛСП студентами, сегодня сами организуют и контролируют выезд.

Чем больше студентов сможет приобщиться к подобному опыту, тем больше будет выпускников, имеющих адекватное представление о социологии. Даже если в дальнейшем выпускник будет занят в бизнесе, наличие опыта самостоятельной полевой работы не будет лишним: этот опыт заставляет задумываться о статусе собранных данных, о том, как получают те или иные ответы, цифры и описания. С точки зрения учебного процесса и вовлечения в науку, такие проекты могут помочь тем, кто думает об академической карьере, пытается разобраться с собственными интересами в социологии. Причем «стаж» в академической сфере здесь не имеет значения; есть кандидаты наук, которые по привычке проводят интервью только с людьми из своего или какого-то понятного, близкого им круга – они много узнали бы о социологии, если бы попытались «разговорить» работника лесопилки.

4. Охарактеризуйте методiku проводимых полевых работ и особенности координации таких проектов в качестве руководителя экспедиции. Удастся ли реализовать коллективный дизайн исследования или более продуктивной является стратегия координации индивидуальных/групповых мини-исследований, объединенных единством места и времени?

ЛСП реализует методологию коллективной этнографии, в ней сочетаются элементы антропологии и социологии. Сегодня идут оживленные споры о том, в какой степени этнографическое исследование может быть коллективным. Что касается конкретных методов сбора информации, то у нас нет никаких ограничений, участники выбирают методы, наиболее адекватные их исследовательским вопросам. Традиционно используется глубинное биографическое интервью. Это жанр, который позволяет респонденту начать говорить на своем языке на интересующие исследователя темы. При анализе мы часто руководствуемся техниками *grounded theory* – они дают возможность выделять ключевые смыслообразующие категории в нарративе респондентов.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы думать, что можем в полной мере «включиться» в жизнь изучаемых городов. Однако наши методы позволяют зафиксировать важные различия между привычными схемами, с помощью которых мы сами обрабатываем мир (с привлечением теории или без нее), и восприятием мира респондентами, приблизиться к пониманию их схем. Для того чтобы уловить эти различия, нужно систематически артикулировать их, и потому мы используем ряд техник, стимулирующих рефлексивную работу (дневники, вечерние «сборки»).

Для руководителя в таком формате важно умение совмещать организационную и исследовательскую работу. Человек, который отвечает за организацию, од-

новременно должен удерживать собственный проект, следить за продвижением других участников и за тем, чтобы никто не «выпал за борт» исследовательского процесса, помнить, отпрашивался ли кто-то с обеда, во сколько встретит с автобуса приезжающего коллегу и пр. Практика – мероприятие, в ходе которого многое может пойти не так, несмотря на высокий уровень сознательности участников, тщательное планирование и инструкции по технике безопасности. Люди болеют, встречают подозрительных респондентов, иногда без предупреждения допоздна задерживаются в городе; периодически требует вмешательства и принятия решений взаимодействие с администрацией или арендодателем. Особенность работы руководителя практики (как, впрочем, и любого руководителя) в том, что нужно всегда сохранять уверенность и спокойствие.

Неизменными на протяжении всего существования ЛСП оставались цели. Поскольку менялся состав участников, менялись темы и формат. От года к году мы искали такой формат, который позволит включить разные формы работы. Две основные формы, которые мы практиковали, – комбинации индивидуальных и коллективных проектов и только коллективные проекты. Если работа идет по группам, то обычно в каждой группе по два-три человека. Среди них есть руководитель, более опытный исследователь, который помогает довести проект до конца и решать возникающие проблемы. Например, в какой-то момент участник может столкнуться с тем, что исследовательский вопрос в том виде, в каком он сформулирован вначале, не состоятелен – тогда для того, чтобы найти новое направление движения, нужна помощь. Для студентов младших курсов участие в ЛСП в составе группы наиболее удобно. В то же время, иногда группы распадаются, потому что их члены меняют тему, решают заняться чем-то другим, что кажется им важным и интересным. Индивидуальная работа дает больше свободы, но для нее обязательно, чтобы участник был достаточно самостоятельным или был готов учиться самостоятельности.

5. Что дал опыт выездных полевых исследований лично Вам? Насколько Вы удовлетворены результатами? Какие коррективы в работу Вы, возможно, хотели бы внести в будущем?

Поскольку мы изначально задумывали ЛСП как проект для себя, то можно сказать, что нам он дал то же, что дает и всем остальным участникам. Во-первых, это живая, интенсивная исследовательская коммуникация, шанс реализовать собственные задумки при поддержке внимательных и заинтересованных коллег, готовых собирать материал и вместе продумывать дальнейшие действия. Во-вторых, это возможность узнать, как устроена жизнь в российском малом городе и какие существуют ресурсы для ее изменения. В целом риторика «умирания» или «упадка» в малых городах, характерная для длинных разговоров с приезжими социологами, может говорить о разном состоянии и динамике локальных сообществ. Для нас было важно зафиксировать формы их существования, привлечь к ним внимание. В-третьих, это развитие важных для социального исследователя качеств – наблюдательности, коммуникабельности, рефлексивности. Вовлеченность в организацию ЛСП обостряет ощущение ответственности за работу – и из-за этого отступает ощущение беспомощности перед лицом исследовательских задач.

Наконец, ЛСП для каждого из участников – это еще и «праздничный» опыт в том смысле, который имел в виду в своей теории праздника Роже Кайуа. Это способ вырваться из рутины регулярной университетской работы и «перезарядить» себя как исследователя. Как любой праздник, практика лишь отчасти следует сценарию – в ней всегда есть существенный элемент непредсказуемости и импровизации.

Сегодня ЛСП – это сложившаяся форма образования и исследования, но мы думаем над тем, как увеличить отдачу от нее. За пять лет в проекте сформировался большой массив данных, который используется лишь отчасти. Сейчас мы работаем над тем, чтобы свести его в единый удобный архив, позволяющий новым участникам работать с данными, собранными несколько лет назад. Мы включаем ЛСП как полевой модуль в состав других исследовательских проектов и рассчитываем, что это также повысит эффективность работы.

Мы стремимся к тому, чтобы участники ЛСП доводили свою работу до публикаций, однако подготовка текста – это отдельный навык, и важный вопрос состоит в том, как встроить в полевую практику выработку этого навыка. Кроме того, состав участников регулярно меняется, так что немногие имеют опыт прохождения нескольких полных исследовательских циклов и набираются смелости довести результаты работы до финального текста.

Наконец, все пять лет проекта мы выбирали для каждого выезда новый город, стремясь найти новые сюжеты и получить более богатую картину жизни локальных сообществ. Сегодня мы пришли к необходимости сделать то, что Майкл Буровой называет *re-visit*, и поэтому в 2015 году мы вернулись в Гороховец. За прошедшее время изменился город и изменились мы сами. С одной стороны, Гороховцу удалось привлечь значительные средства на сохранение исторического наследия и развитие туризма, и в настоящее время мы анализируем этот интересный и по-своему уникальный для российских малых городов опыт. С другой стороны, за эти годы у нас сформировался исследовательский взгляд, который дал нам возможность по-новому посмотреть на уже знакомый нам город.

THE SOCIOLOGICAL EXPEDITION AS RESEARCH PRACTICE AND A FORM OF HANDS-ON FIELDWORK TRAINING

**Alisa Maximova, Ekaterina Pavlenko,
Ivan Pavlyutkin, Greg Yudin**

Alisa Maximova is a research assistant at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 9–11, room 530, Moscow, 101000, Russia. alice.mcximove@gmail.com.

Ekaterina Pavlenko is Junior Researcher at the Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education, National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 20, Moscow, 101000, Russia. epavlenko@hse.ru.

Ivan Pavlyutkin is Senior Researcher at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 9–11, room 530, Moscow, 101000, Russia. ipavlutkin@hse.ru.

Greg Yudin is Senior Researcher at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 9–11, room 530, Moscow, 101000, Russia. greg.yudin@hse.ru.